

ГРАФИЧЕСКАЯ СВЯЗНОСТЬ: ЛИНЕЙНО-СИНТАГМАТИЧЕСКИЙ СТАТУС ЯПОНСКИХ ПУНКТУАЦИОННЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

Рассматривается вопрос о положении пунктуационных показателей на шкале синтагматической свободы. Цель – принципиально адаптировать к знакам препинания традиционный подход к базовой морфологической проблематике, активно изучавшейся на непунктуационном материале, без учета письменной специфики. Для детального освещения выделена сторона синтагматического поведения письменных единиц, которая касается связей внутри графического означающего. Разработанная методология, построенная вокруг понятия «графическая связность», апробирована в применении к японской пунктуации.

Ключевые слова: пунктуация; знаки препинания; графика; синтагматический статус; клитика; синтагматическая самостоятельность; японский язык.

Проблема лингвистического подхода к пунктуации

В статье [1] нами обосновывалась принадлежность японских знаков препинания, употребляемых в конце предложения, к классу заключительных модально-экспрессивных частиц. Было показано, что семантико-синтаксические свойства этих пунктуационных единиц отвечают определяющим признакам одного из канонических классов служебных показателей. В своих исследованиях мы с системоцентричных позиций развиваем традицию научного лингвистического подхода к изучению пунктуации, представленного в монографиях [2–4], и разрабатываем идею разностороннего сближения знаков препинания с прочими единицами письменного языка. Стремление интегрировать знаки препинания в общую систему непунктуационных единиц, рассматривая их как полноправные элементы словаря, сближает наши взгляды на пунктуацию с подходом, предлагаемым в монографии [5. С. 190]: «В письменной форме языка союзам и частицам <...> вполне аналогичны знаки препинания, которые также рассматриваются при описываемом подходе как служебные лингвистические сущности». В статье [1. С. 95] мы сформулировали следующие принципы описания пунктуации:

1) Знаки препинания могут рассматриваться не только как графемы, но и как единицы более высоких уровней языка, записанные при помощи этих графем.

2) При таком рассмотрении знаки препинания проявляют разностороннее сходство с прочими языковыми средствами, прежде всего служебными показателями, и могут быть описаны по тем же самым принципам.

3) Интегрированные таким образом в систему письменного языка, с точки зрения своих функций внутри этой системы знаки препинания не сохраняют того единства, которое приписывается им на графическом уровне, но распределяются по разным классам таких показателей.

Во многих исследованиях по пунктуации, включая упомянутые монографии [2–4], в том или ином виде описывается роль синтаксического фактора в расстановке знаков препинания, но при этом им не придается статус полноценных синтаксисем, подлежащих обычному грамматическому анализу на общих осно-

ваниях с непунктуационными средствами. Традиционный подход акцентирует внимание исследователя на графической специфике пунктуационных показателей, и потому стандартной практикой оказывается описание знаков препинания, выделенных как класс языковых единиц в противопоставлении буквам, цифрам (в японском языке – знакам слоговых азбук, иероглифам), как графем, которые непосредственно функционируют на синтаксическом уровне¹.

В отношении предмета данной статьи хорошей иллюстрацией этой парадоксальной особенности может служить типично устроенное определение японской пунктуации в сборнике, в основу которого положено указанное смешение языковых уровней: «Система графических знаков, разделяющих предложения и части предложений в целях указания на наличие или отсутствие связи между ними и более четкой передачи мысли автора (пишущего); пунктуация облегчает правильное (в первую очередь – интонационное) прочтение текста читающим» [6. С. 20–21].

В иных обстоятельствах, возможно, подобные синкретичные формулировки сами по себе и не привлекали бы особого внимания. Главная проблема, однако, состоит в том, что характер популярных подходов к пунктуации определяется прежде всего ее восприятием как графического явления – как некой обособленной графической подсистемы письменного языка, – а неадекватное отношение к принципам классического уровня подхода на практике сильно препятствует применению к знакам препинания обычных инструментов грамматического анализа. В традиционных исследованиях не встретить дискуссий о том, считать ли знаки препинания морфемами, отдельными словами или рассматривать как некий промежуточный случай. Совершенно бессмысленным выглядит вопрос, причислять ли конкретный «графический знак» к союзам, частицам или каким-то другим признанным классам служебных слов. В условиях ярко выраженного примата графики над грамматикой в устоявшихся взглядах на пунктуацию знаки препинания просто выносятся за пределы всех этих оппозиций.

В настоящей статье мы продолжаем изучение пунктуации на японском материале, ориентируясь в первую очередь на явления печатного и электронного субмодусов письменного японского языка, в меньшей степени – на феномены рукописных текстов (см. [7] о

таксономии дискурса). Помимо прочего, трактовка знаков препинания как полноценных служебных показателей, предполагающая перенос разработанных в лингвистике приемов грамматического описания на материал пунктуации, закономерно поднимает вопрос об их линейно-синтагматическом статусе: какое положение занимают эти показатели на шкале синтагматической свободы – от словоформы до морфемы? Непосредственно связанная с определением «слова», эта проблематика имеет фундаментальное значение для морфологии и в рамках этой дисциплины получила глубокое развитие на материале непунктуационных единиц [8. С. 157–239; 9. С. 18–35].

В табл. 1 ниже приводится список обсуждаемых в данной статье японских знаков препинания и некоторых других символов, которые так или иначе сближаются с пунктуацией и иногда прямо причисляются к ее периферии (о противопоставлении общепризнанного прототипического ядра и спорной периферии пунктуации, критериях выделения знаков препинания см.: [1. С. 93–94; 10]).

Таблица 1
Знаки препинания в японском языке

Знак	Название	Знак	Название
、	правонаправленная запятая 点 <i>ten</i> (или 読点 <i>tooten</i>)	...	многоточие リーダー <i>riidaa</i>
、	европейская запятая コンマ <i>konma</i>	—	тире ダッシュ <i>dasshu</i>
。	круглая точка まる <i>maru</i> (или 句点 <i>kuten</i>)	～	тильда 波形 <i>namigata</i>
.	европейская точка ピリオド <i>piriodo</i>	= ³	знак равенства 等号 <i>toogoo</i> (или двойной дефис つなぎ <i>tsunagi</i>)
.	срединная точка 中点 <i>nakaten</i> (или 中黒 <i>nakaguro</i>)	:	двоеточие コロン <i>koron</i>
()	круглые скобки パーレン <i>paaren</i> (или 丸括弧 <i>marugakko</i>)	;	точка с запятой セミ コロン <i>semikoron</i>
「」	угловые кавычки かぎ <i>kagi</i> (или 鉤括弧 <i>kagikakko</i>)	%	знак процента パーセント <i>paasento</i>
『』	двойные угловые кавычки 二重 鉤括弧 <i>nijuu kagikakko</i>	°	знак градуса 度 <i>do</i>
?	вопросительный знак 疑問符 <i>gimonfu</i>	\$	знак доллара ドル記号 <i>doru kigoo</i>
!	восклицательный знак 感嘆符 <i>kantanfu</i>	¥	знак иены 円記号 <i>en kigoo</i>

Линейно-синтагматический статус знаков препинания

Приступая к обсуждению заявленной проблематики, следует сразу отметить особый статус случаев, представленных, например, в показателях 。 。 。 или 、 、 、 – нестандартных вариантах японского многоточия. В подобных употреблениях круглые точки 。 или правонаправленные запятые 、 остаются феноменом исключительно графического уровня, лишенные какого-либо собственного означаемого, т.е. не приходится говорить о проблематике линейно-синтагматического статуса в понимании [9. С. 18–35] применительно к отдельной запятой или точке в этой записи⁴. При этом, разумеется, оправдан вопрос о статусе

цельной пунктуационной единицы 。 。 。 или 、 、 、 , выступающей в качестве модально-экспрессивного маркера пониженной категоричности (см. описание [1]). То же можно сказать и о компонентах стандартных двухграфемных последовательностей — и …… (японское «длинное» тире и многоточие), которые, впрочем, нередко рассматриваются как некие графические единства в одном ряду с графически элементарными знаками (ср.: [12. С. 4–12]). Такие периферийные примеры графически неэлементарных пунктуационных единиц, хотя бы и образованных путем простейших контактных повторений, представляют собой частное свидетельство развития двойного членения в пунктуационной подсистеме письменного языка. Но в прототипическом случае отдельные пунктуационные графемы все же прямо соответствуют каким-либо (однографемным) единицам высших уровней языка, как правило, синтаксическим служебным показателям.

Анализ разных аспектов синтагматической самостоятельности знаков препинания, сравнительная оценка их автономности – все это традиционно остается за рамками исследовательских работ по пунктуации, и упомянутые монографии [2–4] служат в этом отношении типичными примерами. Между тем эта область имеет немалый потенциал для изучения. Среди единиц письменного языка, записанных исключительно с помощью пунктуационных графем, очевидно, встречаются единицы с разным линейно-синтагматическим статусом. С одной стороны, бывают нетипично самостоятельные пунктуационные единицы – примером может служить автономная реплика 「!」 в следующем диалоге:

「だれがやるの?」

「お前がやるのさ」

「!」

(1)

– Ну и кто [это] будет делать?

– Ты и будешь!

– Я?! [11. С. 34]

В целом весь комплекс 「!」 интерпретируется нами как междометие !, снабженное эвиденциальным циркумпозиционным показателем – кавычками. В сфере неформальной электронной коммуникации, в системах мгновенного обмена сообщениями, наблюдается и похожее сильно автономное употребление отдельных пунктуационных знаков: восклицательный, вопросительный знаки могут изолированно составлять самостоятельное высказывание, уподобляясь в этом отношении смайликам-*kaomoji*, которые мы также рассматриваем как один из периферийных пунктуационных феноменов (ср. аналогичную позицию [13. С. 256–258]).

Коммуникативные ситуации типа переписки в чате, обмена короткими бытовыми записками или SMS-сообщениями вполне позволяют продуктивно использовать понятие сильной автономности в оригинальном понимании [8. С. 158–161] – в отличие от примера (1), где мы имеем дело только с письменной имитацией устной речи.

С другой стороны, знаками препинания могут записываться единицы с минимальной линейно-

синтагматической свободой. По всей видимости, морфемами-циркумфиксами должны быть признаны разнообразные скобки в составе маркеров списков – выражений типа **【 1 】**, **〈 2 〉**, **(3)** – особого рода союзов, оформляющих сочиненные конструкции. Такие конструкции нередко обладают сложной многоуровневой структурой, и одновременное использование разных видов скобок для образования союзов может служить эффективным средством ее экспликации. В справочнике [11. С. 84] особо отмечается, что в полиграфии сочетания типа **(1)**, **(—)** с круглыми скобками могут рассматриваться как единый символ – это следует расценивать как дополнительное свидетельство исключительно тесной связи между компонентами показателя.

По своему поведению очень близки к морфемам единицы типа **%**, **\$** или **¥**, которые трактуются нами как классификаторы, подобные каноническим японским «счетным суффиксам» типа **人** для счета людей или **本** для счета продолговатых предметов. По данным корпуса [14], впрочем, интернациональные обозначения валют, в отличие от непунктуационных японских классификаторов, все же обнаруживают несвойственную морфемам маргинальную переставимость: ср. нормативное **\$ 1 0** ‘десять долларов’ при исключительно периферийном, но реально наблюдаемом **1 0 \$** vs. **十人** ‘десять человек’ при абсолютной невозможности **人十**. Знаки процента **%** или градуса **°** имеют строго постпозиционное употребление. Вариативность, допускающая групповое оформление (отмечаются конструкции вида **\$ 2 5 ~ 3 0**, **3 0 ~ 5 0 %**), отчасти приближает такие классификаторы к классу формантов в терминологии [9. С. 32–35] («максимально свободные связанные морфемы»).

Однако такие крайние случаи, явно тяготеющие к противоположным полюсам линейно-синтагматического континуума, встречаются только на пунктуационной периферии – и в целом на периферии письменного языка. В условиях устоявшегося подхода к пунктуации как к средству, функционирующему, главным образом, на синтаксическом уровне (черта, особенно выраженная в русской традиции), при очевидном отсутствии свойства автономности знаки препинания предстают единицами, обладающими неким промежуточным статусом между морфемой и словоформой. Иначе говоря, прототипический знак препинания оказывается отдельной синтаксемой с пониженной степенью линейно-синтагматической самостоятельности.

Важнейшим классом таких переходных единиц являются клитики [Там же. С. 28–35]. Именно клитками называет в своей монографии рассматриваемые английские знаки препинания Дж. Нанберг, один из крупных исследователей английской пунктуации [4. С. 57–75] (вслед за ним такое словоупотребление встречаем у Б. Джонса [15. С. 43, 103, 150]). Нанберг уделяет довольно много внимания таким свойствам знаков препинания, как их подверженность операциям поглощения-вытеснения, организация в иерархические кластеры – вообще говоря, обсуждение этих

особенностей пунктуационных показателей могло бы носить характер аргументации в пользу их клитического статуса, однако этого почему-то не наблюдается. Весьма удачно, с нашей точки зрения, выбранное наименование, к сожалению, не получает в работе эксплицитного обоснования, и отношение авторской номинации к каноническому употреблению термина остается не вполне ясным. Во всей монографии [4] линейно-синтагматический статус пунктуационных единиц в принципе не рассматривается как отдельная проблема, и нам не известно исследований, которые бы в явном виде отстаивали и последовательно развивали подход к знакам препинания как к клитикам письменного языка.

При всем этом обоснование собственно клитического статуса на данном этапе видится нам менее приоритетной задачей, чем само по себе разностороннее изучение линейно-синтагматических свойств знаков препинания. Прежде всего, ощущается потребность в адекватном теоретическом аппарате, который бы позволил на должном уровне обсуждать, почему и в каких именно аспектах одни пунктуационные показатели ведут себя самостоятельнее других, с аргументацией, охватывающей любые стороны их употребления.

Графическая связность

Для описания линейно-синтагматического статуса языковых единиц, в том числе идентификации клитик, существуют развитые инструменты лингвистического анализа [8, 9]. Однако, разработанные преимущественно с фоноцентричных позиций, эти инструменты, естественно, отличаются разной применимостью к письменному материалу, к тем особым условиям, в которых функционируют пунктуационные показатели. В частности, комплекс критериев, объединяемых термином «звуковая (фонетическая) связность», формировался ориентированным на анализ исключительно фонетического означающего, и базовое определение клитик, основанное на идее просодической несамостоятельности (ср. [8. С. 212; 9. С. 28]), оказывается принципиально не применимым к феноменам письменного языка.

В то же время в письменном языке есть свои специфические явления, связанные с графическим (а не фонетическим) означающим, которые также могут характеризовать степень автономности единицы и ее формальную связь с контекстом. Такие явления не охватываются традиционно фоноцентричными лингвистическими описаниями, но введение их в научный оборот позволяет отчасти компенсировать тот недостаток аналитических инструментов, который обнаруживается при переходе к изучению знаковых систем, основанных на визуальном, а не акустическом сигнале. Комплекс свойств, который должен восполнять этот пробел в средствах описания линейно-синтагматического континуума, характеризуя означающее письменных языков, мы называем *графической связностью*; фонетическая и графическая связность объединяются понятием формальной (материальной) связности.

При изучении линейно-синтагматического статуса единиц письменного языка необходимо учитывать всю сложность формальной организации письменной речи, выраженную в квантовании двойной природы. С одной стороны, в письменном языке, в силу тесной исторической и синхронной связи, так или иначе находит свое отражение фонетическое членение устной речи, а с другой – на развитие формального квантования неизбежно влияет и собственная специфика условий функционирования письменного языка. В качестве проявлений первого фактора можно рассматривать, например, членение текста средствами пунктуации, в пределах ее фоноцентричной интерпретации как обозначения интонации и пауз, или условное выделение в языках типа русского неких аналогов (синтагматических коррелятов) фонетических слогов, которые могут учитываться в правилах переноса. Примером второго рода может служить деление текста границами строк и страниц или его визуальное разбиение на части пустым пространством (безотносительно к тому, что такое разбиение призвано выражать).

Разные виды формального квантования, возникающие под действием факторов обоих типов, взаимодействуют, неким образом синхронизируются друг с другом и, главное, с собственно содержательной организацией текста, его грамматической структурой – и все это в совокупности создает сложную картину внутритекстовых связей. Так, пунктуация – в зависимости от способа употребления конкретного знака – может в той или иной мере связываться и с формальными явлениями устной речи, и с определенной семантико-синтаксической информацией; наконец, в силу своей графической выделенности знаки препинания обеспечивают и чисто формальное визуальное членение текста.

Среди формальных явлений, по своему происхождению связанных со спецификой письменного языка и действием факторов второго рода, встречаются и такие, которые, на первый взгляд, отстоят слишком далеко от фонетического членения устной речи и смысловой организации текста. Примером может служить упомянутое выше построчное или постраничное квантование. Такие явления получают значительно меньше внимания со стороны лингвистов, несмотря на то что вызывающие их ограничения по отношению к письменному языку являются столь же экстралингвистическими, как и особенности устройства речевого аппарата или слухового анализатора – по отношению к устному. Физические ограничения на длину строки, с нашей точки зрения, являются не более внешним – и не менее значимым – фактором развития, чем физиологические ограничения на объем легких. Пространственные границы материальных объектов, выступающих носителями письменной информации, разумеется, имеют внешний характер по отношению к самим участникам коммуникации (в отличие, скажем, от особенностей зрительного восприятия), но оттого играют не менее важную роль в процессах порождения и анализа текста. Это неотъемлемая часть тех условий, в которых функционирует и развивается письменный язык, и заведомо исклю-

чать результаты действия этих факторов из рассмотрения – значит неоправданно снижать полноту анализа⁵. Но избыточно фоноцентричные взгляды в сочетании с привычным мышлением устно-письменными парадигматическими единствами сильно препятствуют изучению столь специфических явлений письменного языка.

Исследователи пунктуации в редких случаях все же обращают внимание на эти явления. В модели порождения (графического воплощения) письменной речи, предложенной в упомянутой монографии [4. С. 51–52], предусмотрены особые «правила заливки», которые регулируют размещение на плоскости предварительно сформированной линейной текстовой цепочки. Соответственно при обсуждении запятой в английском языке автор замечает: «Для всех последующих задач, вроде разбиения на строки, запятая рассматривается как неотделимая часть того слова, к которому она примыкает» [Там же. С. 58]. В следующем примере запятая на левой границе парентезы рассматривается Нанбергом в качестве ее пограничного структурного компонента (ср. с выделением двойных запятых в русистике):

John, who had seen the movie, left early. (2)

Мы можем наблюдать, как языковая единица (запятая), неспособная самостоятельно образовывать некий формальный квант (внимание Нанберга, естественно, прежде всего обращено на графические слова – фрагменты текста, ограниченные пробелами; но запятая также не может изолированно составлять и строку), объединяется с соседней, в этом отношении более самостоятельной, причем такое поведение может нетривиальным образом соотноситься с содержательной (в частности, структурно-синтаксической) организацией текста. В данном случае именно необычное сочетание свойств – «примыкания» к левому контексту и синтаксической принадлежности к правому – заставляет Нанберга задуматься о клитическом статусе английской запятой. Но для обсуждения подобных вопросов требуется предварительно определить, что есть это «примыкание» как лингвистически значимый феномен. При этом нужно учитывать, что письменный японский и другие языки могут иметь свои особенности: в японском, например, совсем по-другому используются пробелы.

В контексте последнего примера стоит заметить, что едва ли можно мотивировать отказ от лингвистического изучения графических слов или строк и, соответственно, формального поведения знаков препинания на их границах тем соображением, что эти явления не связаны (или не связаны неким «правильным» образом) со значением пунктуационных показателей и вообще смыслом текста⁶. Со своей стороны, мы видим столь же мало оснований отказывать в языковой значимости феноменам типа фонетических слов или слогов и по этой причине игнорировать их в исторических и синхронных исследованиях. Как показывают случаи типа (2), и в письменном языке взаимодействие разных аспектов формального членения и грамматической структуры не всегда выражается в их полной и прозрачной синхронизации. Не следует ожидать, что графические и грамматические границы

будут непременно совпадать друг с другом. Такие несоответствия только напоминают о том, что идеализированные представления о речевом потоке как о дискретной последовательности двухплановых единиц, выделенных на сравнительно простых формальных основаниях в условиях синтагматического изоморфизма планов выражения и содержания, имеют свои границы применимости.

В данной статье предполагается рассмотреть только те аспекты графической связности в японском языке, которые систематически освещаются в специальной литературе и уже могут считаться достаточно стандартизованными, а именно поведение при обрыве строки и конфигурацию примыкающего пустого пространства. Поведение конкретных знаков препинания и других символов в отношении этих двух аспектов в деталях описывается на страницах популярных справочников [11], в специальных руководствах, адресованных профессиональным редакторам и типографам [12], а также в тексте японского промышленного стандарта JIS X 4051 «Методы верстки текстов на японском языке» [16]. Такие описания сложившихся норм графического оформления могут варьировать по охвату материала, степени категоричности тех или иных требований, но в целом довольно хорошо согласуются друг с другом в части поведения основных знаков. Эти базовые нормы по умолчанию распространяются на любые употребления соответствующих графем и отражаются на свойствах всех единиц, записываемых с их помощью, характеризуя формальные (графические) связи пунктуационных показателей.

Ориентируясь на решение заявленной в начале раздела проблемы, мы сосредоточимся на изучении именно указанных аспектов графики, имея в виду, что полное описание линейно-синтагматического статуса, принимающее во внимание, помимо особенностей графического означающего, и множество семантико-синтаксических свойств знаков препинания, может стать целью более масштабного исследования.

Поведение при обрыве строки. В основе этого аспекта графической связности лежит естественное квантование потока письменной речи, прежде всего обусловленное физическими ограничениями материального носителя информации – объекта типа листа бумаги. В японской письменной традиции, где сосуществуют горизонтальное и вертикальное письмо, это может проявляться в форме деления текста на строки или столбцы⁷. (Далее говорим только о строках, подразумевая, что сказанное тривиальным образом переносится на ситуацию вертикального письма, если специально не оговорено иное.)

В процессе развития письменного языка были выработаны особые приемы эффективного использования двумерного пространства носителя письменной информации, которые находят только частичную аналогию в использовании единственного временного измерения в условиях устной речи. Удачным решением оказалось четкое противопоставление двух взаимно перпендикулярных осей развертывания письменного дискурса – главной, которая определяет расположение более дробных графических единиц внутри строки, и второстепенной, которая определяет распо-

ложение самих строк относительно друг друга⁸. Такая оппозиция фактически позволяет кардинальным образом «линеаризовать» заполнение плоскости, при порождении речи попеременно продвигаясь по разным осям с образованием разных типов формальных квантов. Замечательным образом это открывает путь для адаптации к письменному материалу лингвистического аппарата, разработанного для анализа синтагматического поведения внутри линейной речевой последовательности⁹.

Если возможности перемещения по главной оси исчерпаны, намерение продолжить речепроизводство вынуждает пишущего принять меры к восполнению пространственного ресурса (включающие, помимо прочего, и новый шаг по второстепенной оси, знаменующий формирование очередного кванта-строки). Это и приводит к тому явлению, которое мы называем обрывом строки. Кроме того, возможно и невынужденное завершение строки в конце абзаца, до полного исчерпания ресурса, когда обрыв строки теряет характер чисто «технической» границы и интегрируется в языковую систему в качестве значимого сигнала.

В условиях оппозиции двух осей выработались и некоторые нормы, регулирующие употребление таких специфических средств письменного языка, как знаки препинания. Именно пунктуационные показатели, как свидетельствуют описания, проявляют особую чувствительность к строковым границам; даже если некоторый знак обнаруживает относительную самостоятельность, показательным оказывается сам факт непереноса и обсуждения его особенностей в специальной литературе.

Японские правила переноса в целом носят весьма свободный характер: они не связаны с положением морфемных границ и практически не затрагивают размещения иероглифов и знаков слоговых азбук. Функционирование строки как некой графической составляющей проявляется, главным образом, во влиянии на пунктуацию; и даже эти ограниченные проявления не всегда были абсолютной нормой в японском языке. В сохранившихся рукописных черновиках Нацумэ Сосэки, относящихся к началу XX в., этот классический автор еще довольно часто помещает завершающую предложение круглую точку в начало столбца, отрывая ее от преконтекста [17. С. 32–35]. О постепенном закреплении запрета на перенос в более поздних рукописях писателя можно судить по наблюдаемым отклонениям от обычного режима использования пространственного ресурса, необходимого для речепроизводства, в конце формального кванта-столбца: чтобы вместить точку, автору приходится локально уплотнять текст. Даже такие, с точки зрения современного европейца, совершенно незыблемые ограничения распространились и утвердились в языке не сразу, и правила такого рода продолжают эволюционировать до сих пор. Если идиолект Сосэки мог впоследствии измениться под давлением доступной ему печатной продукции, в том числе графического оформления его же прижизненных изданий [Там же. С. 34–35], то в наше время на речевое поведение носителей и общее развитие графических норм в этой области все больше влияния оказывает электронный дискурс¹⁰.

В японском языке поведение знаков препинания на границах строк определяется правилами 分割可能性 *bunkatsu kanoosei* букв. ‘возможность разделения’, которые могут принимать форму запрета на расположение знака в абсолютном начале строки (行頭禁止 *gyootoo kinshi*) или в абсолютном конце строки (行末禁止 *gyoomatsu kinshi*). В табл. 2, объединяющей данные [11, 12, 16], представлены ограничения, которые уже достаточно прочно закрепились в современном языке.

Таблица 2
Поведение знаков препинания при обрыве строки

Не употребляются в начале строки	、。、。・！？：；）』』
Не употребляются в конце строки	（「『

Многоточие и тире свободно переносятся на новую строку или остаются в конце строки, отрываясь от правого или левого контекста (имеются только ограничения на разрыв самих двухграфемных последовательностей …… и ———). Это означает, что в японском всю последнюю строку абзаца целиком может составлять завершающее предложение многоточие или тире, обычно вместе с точкой или другим заключительным знаком:

「……」 (3)

«Судя по голосу, на старика это не было похоже. Думаю, ему еще и сорока нет…» [18. С. 17].

「……」 (4)

«А что, если там вместе с монетами, к примеру, засунуты тысячеиеновые купюры…» [Там же. С. 133].

Употребление на границах строк тильды ~ и знака равенства = пока тоже не связано жесткими нормативными ограничениями отчасти потому, что эти знаки относятся к менее стандартизированной периферии японской пунктуации. Вместе с тем двоеточие и особенно точка с запятой в действительности почти не используются в японских текстах (показательно, что в тематическом сборнике [6] они не обсуждаются вовсе), и в этом случае справочники скорее согласованно воспроизводят устойчивые запреты, сложившиеся в западной письменности.

Стоит также добавить, что строгие нормы еще не утвердились и в отношении классификаторов типа \$ или %, обсуждавшихся выше, но в целом имеется сильная тенденция не разрывать компоненты квантификатора (\$ 1 0 или 2 0 %) строковой границей [11. С. 267; 12. С. 27; 16. С. 49–50]. По выражению авторов справочника [11. С. 267], «становится правилом обрабатывать такие сочетания как единое целое».

Таким образом, пунктуационные показатели, которые не употребляются в начале строки и при этом встречаются в конце, с точки зрения этого аспекта графической связности можно охарактеризовать как формально (графически) примыкающие к преконтексту. Аналогично, знаки препинания, которые могут

стоять в начале, но не в конце строки, формально примыкают к постконтексту.

Действие указанных правил приводит к особенно выразительному результату в случаях, когда знаки препинания выносятся за линию набора, на поля (так называемая «висячая пунктуация»):

編集部の方が気に入ってくださったという先ほどの比喩ですが、自分の評価としてはレベル1程度ですね(笑)。読者が読んだ時にそのシーンを頭の中で再現できるような比喩が、レベルの高い比喩であると考えています。よほど良い比喩を思いついた時はメモします。「ひぐらしの鳴き声が連鎖する波のように」というフレーズを思いついた時がそうでした。そしてわりとすぐに使いました。でも執筆中には、ほとんどそういうメモを見ることはありません。書いて書いて書いているうちに、フツと思いつくんですね。それこそが前述した身体感覚なのではないでしょうか。

(5)

Более того, в данном примере (фрагмент книги [19. С. 519]) точка и запятая охватываются цветовым выделением, которое вслед за ними тоже выходит за линию набора. Распространение супrasegmentных признаков типа цвета, начертания – еще один аспект графической связности, обсуждение которого мы выносим за рамки этой статьи.

В иных стилях оформления подобные ограничения влекут за собой необходимость сжатия или разрежения соответствующих строк, т.е. изменения межсимвольных интервалов. Речь об этом явлении пойдет в следующем разделе.

Конфигурация пустого пространства. Пустое пространство, которое сопровождает японские знаки препинания, не ассоциируется с отдельной нематериальной графемой (пробелом) в том смысле, в каком это делается, например, в русском. Самостоятельная графема-пробел (空白 *kuuhaku*, スペース *supesu*) в японском языке имеет употребление, отличное от европейского и существенно более периферийное, и потому японское письмо традиционно считается беспробельным. Такой пробел, например, может маркировать начало абзаца, формируя абзацный отступ, или отделять друг от друга имя и фамилию [5. С. 68; 20. С. 111]. Если пробел-*supesu* иногда рассматривают как особый знак препинания, то увеличенные межсимвольные интервалы (空き, アキ *aki* ‘пустота’) при знаках препинания, получающих материальное выражение, таким статусом наделять не принято.

Наряду с требованиями по увеличению межсимвольных интервалов, японские руководства также содержат явные указания располагать те или иные единицы вплотную друг к другу, оставляя минимум открытого пространства между ними. Такое размещение расценивается как отсутствие межсимвольного интервала и описывается термином ベタ組み *betagumi* ‘плотный набор’ [12. С. 79; 16. С. 8].

Таким образом, при изучении одного и того же аспекта функционирования пунктуационных знаков в европейских языках типа русского приходится в основном рассматривать положение примыкающей нематериальной графемы, тогда как в японском – скорее анализировать поведение самой пунктуационной единицы. Поэтому в общем случае мы предпочитаем говорить о конфигурации пустого пространства, примыкающего к знакам препинания, и отделении их этим пространством от контекста.

К тому же аспекту графической связности мы относим и возможности изменения межсимвольного интервала при разрежении строки – прежде всего в целях подгонки ее длины к установленной ширине полосы после набора основных печатных символов, т.е. особенности типографской процедуры *延ばし処理 nobashi shori* – ‘обработки [строк] растяжением’ (см. [16. С. 13–14, 51–52]). Обратная процедура – сжатие, уплотнение строки – носит название *詰め処理 tsume shori*. С точки зрения этих операций более или менее тесная графическая связь между двумя единицами письменного языка проявляется в запрете на увеличение межсимвольного интервала между ними, в пропорциональном изменении изначально увеличенных интервалов.

Таблица 3, основанная на данных [12, 16], описывает особые японские нормы для межсимвольных интервалов. Как и в случае со специфическим поведением на границах строк, это явление в первую очередь затрагивает именно знаки препинания, отличая их от прочих (вербальных) единиц письменного японского языка, записываемых при помощи непунктуационных графем.

Таблица 3
Конфигурация пустого пространства при знаках препинания

Половинный интервал справа, без интервала слева	、 . , .) 」 』
Четвертные интервалы справа и слева	・ : ;
Половинный интервал слева, без интервала справа	(「 『

К данным табл. 3 стоит добавить, что и вопросительный, и восклицательный знаки в разных употреблениях часто сопровождаются пустым пространством справа (интервал может быть равен половине или целой ширине символа) и при этом набираются вплотную к преконтексту (*betagumi*) [11. С. 30, 34; 12. С. 9–10] (ср. также: [13. С. 244]). Кроме того, в руководствах встречаются эксплицитные требования набирать препозиционные (\$) и постпозиционные (%) классификаторы вплотную к числу, причем после % допускается и четвертной интервал [12. С. 27–28]. В случае с двоеточием и точкой с запятой, как пояснялось выше, справочники не столько описывают актуальное явление японского языка, сколько подражают западным источникам в утверждении нормы как таковой. В европейской письменности для этих двух знаков известно не только привычное носителю русского языка употребление с пробелом справа, но и оформление, описанное в справочнике [11. С. 27, 29] как «интервал шириной в четверть символа слева и

шириной в треть справа», а также похожее симметричное расположение; подобный стандарт и мог послужить прототипом в период своего большего распространения. При тире, многоточии, тильде и знаке равенства специального увеличения межсимвольных интервалов не требуется.

Чтобы помочь читателю составить визуальное представление о том, как распределяется пустое пространство при разных знаках, приведем несколько показательных фрагментов из пособия [21]:

例 = 金井が……あれで校長かい。 (6)

Пример: Канаи... тоже мне, директор школы! [Там же. С. 45]

簡単な文(単文)から。例文を挙げ説明します。
「文の構造」を述べます。まず、 (7)

Теперь мы расскажем о «структуре предложения». Начнем с простых предложений. Будем объяснять, приводя примеры [Там же. С. 145].

例 = 京都・大阪・神戸は、近畿地方の三大都市である。 (8)

Пример: Токио, Осака и Кобэ – три крупных городов региона Кинки [Там же. С. 146].

Размещение пробела или увеличение интервала только с одной стороны от единицы письменного языка создает выраженную визуальную асимметрию, характеризующую формальные связи этой единицы. В условиях асимметричной картины расположения пустого пространства одни знаки препинания формально (графически) объединяются с преконтекстом, другие – с постконтекстом. Симметричное поведение срединной точки ・ может связываться с симметрией положения этого знака относительно середины строки (см. аналогичное поведение двоеточия и точки с запятой в табл. 3, а также японского многоточия, тире и других «продольных» знаков) или же объясняться иконическим выражением симметричности содержательных отношений между правым и левым контекстом: одно из основных употреблений срединной точки – в записи сочинительного союза, разделяющего члены сочиненных именных последовательностей типа 性・数・格 ‘род, число, падеж’. Вопрос о роли разных факторов требует специального изучения.

Таким образом, наблюдаемое на японском материале отношение между двумя аспектами графической связности можно описывать имплицитивно: если некоторый знак характеризуется асимметрией сопутствующих межсимвольных интервалов, то он обязательно обнаруживает то же направление графической связи и в своем поведении при обрыве строки. Обратное может быть и неверным, как в случае со срединной точкой, но, что важно, не отмечается конфликтов между направлениями связи, установленными по разным критериям. В таком случае асимметричная конфигурация пустого пространства выглядит признаком более тесной графической связи, чем запрет на перенос, и при этом, возможно, вторичным по отношению к нему явлением. Учитывая становление современной

японской пунктуации под определяющим западным влиянием, формирование этой особенности естественно связывать с историей европейской письменности и развитием в ней феномена графического слова¹¹.

Некоторые тенденции в графическом поведении знаков препинания

Выше мы рассмотрели два аспекта графической связности – поведение при обрыве строки и конфигурацию примыкающего пустого пространства. По-видимому, чувствительность к этим аспектам следует считать важной отличительной чертой пунктуационных показателей, проявлением их пониженной синтагматической самостоятельности. Имея разную природу, эти свойства, тем не менее, хорошо согласуются друг с другом в характеристике формальных связей знаков препинания, в определении их графического примыкания к преконтексту или постконтексту. Употребление пунктуационных показателей в потоке письменной речи – это не только их размещение в нужной позиции в последовательности текстовых элементов, но и определенная степень формальной (графической) интеграции с контекстом. Обобщая изученный материал, можно отметить две выраженные тенденции, имеющие перспективы дальнейшего исследования.

Графическое поведение и форма знака. Первое из примечательных наблюдений связано с традиционным разделением японских знаков препинания на три группы (табл. 4).

Таблица 4
Классификация основных японских знаков препинания в справочнике [11. С. 9, 47, 73]

Разделительные знаки くぎり符号 <i>kugiri</i> <i>fugoo</i>	、 。 , . • ! ? :
Соединительные знаки つなぎ符号 <i>tsunagi</i> <i>fugoo</i>	— … ~ =
Парные знаки 括弧 <i>kakko</i>	() 「」 『』

В изложении авторов справочника [11] предлагаемая классификация¹² по каким-то причинам не получает удовлетворительного эксплицитного обоснования. В частности, в основу оппозиции «разделительных» и «соединительных» знаков положено ровно то соображение, что первые служат для отделения текстовых единиц друг от друга, а вторые, напротив, выполняют задачу по их объединению в более крупные единицы [Там же. С. 9, 47]. Причина столь разного взгляда на функционал двух классов знаков препинания не раскрывается (почему, например, считается, что запятая между однородными членами не соединяет, а отделяет их друг от друга?), так что классификация, по сути, все еще остается интуитивно-априорной в своей основе.

Между тем кажется довольно очевидной связь между формой знака и его включением в одну из групп. Прежде всего, пропорции соединительных знаков вытянуты вдоль главной оси развертывания письменного дискурса. В отличие от иероглифов и знаков слоговых азбук, служащих для записи непунктуационных единиц, в условиях вертикального пись-

ма знаки этой группы поворачиваются с сохранением ориентации – хотя бы и могли, при всей своей ресурсоемкости, уместиться по ширине столбца. Этот объективный тест, доступный на японском материале, свидетельствует об особой значимости данной графической характеристики, привязанной к направлению письма¹³. Напротив, парные знаки представляют собой симметричные пары символов, в основном ориентированных перпендикулярно главной оси, причем при вертикальном письме такая ориентация сохраняется (по-особому ведут себя некоторые виды европейских кавычек). Разделительные знаки тоже ориентированы перпендикулярно этой оси или же не имеют выраженной ориентации; поворот при переходе к вертикальному письму для японских знаков этой группы в целом не характерен (поворачивается маргинальное двоеточие и поперечные разделительные черты | и ||), но точки и запятые смещаются к правому нижнему углу предшествующего знака. Весьма показателен форзац справочника [24], где автор посчитал нужным отразить обязательный поворот соединительных и парных знаков японской пунктуации, попарно приводя сразу оба варианта начертания. Поэтому с нашей стороны, во всяком случае, больше понимания вызвало бы, например, прямое утверждение о том, что «продольная» форма сама по себе иконически ассоциируется с идеей соединения и непрерывности, а «поперечная» – с идеей ограничения и разрыва.

В то же время, как можно заметить, изложенные в статье японские графические нормы формально прикрепляют разделительные и закрывающие парные знаки к преконтексту, а открывающие парные – к постконтексту. Напротив, соединительные знаки и, соответственно, записанные с их помощью пунктуационные показатели отличаются относительной свободой. Следует, впрочем, признать, что стройная картина корреляции между формой знака и его графическим поведением несколько размывается на пунктуационной периферии – возможно, в этом сказывается фактор ресурсоемкости (протяженности) единицы как таковой. Так или иначе тильда и знак равенства (а также не обсуждавшиеся в статье и еще менее освоенные в японском языке «продольные» знаки – дефисы, иногда менее протяженные виды тире) все же нерегулярно характеризуются запретом на размещение в начале строки, тем самым графически прикрепляясь к преконтексту и теряя часть синтагматической свободы [11. С. 47; 12. С. 5; 16. С. 49]. Помимо прочего, в условиях традиционного представления о пунктуации как о едином графическом явлении здесь можно усматривать влияние других знаков препинания и постепенное подчинение еще одной тенденции, характерной для пунктуационных показателей.

Знаки препинания в линейных иерархиях. При знакомстве с предметной областью сразу же обращает на себя внимание отчетливое преобладание знаков препинания, формально примыкающих к преконтексту. Самые частотные знаки – точки и запятые, составляющие прототипическое ядро японской пунктуации, – обнаруживают именно такое поведение. При этом остается открытым вопрос: следует ли рассматривать эту тенденцию как чисто графический феномен или же нахо-

дять в ней и грамматическую подоплеку, т.е. ставить ли в один ряд с сугубо формальными правилами линейного порядка типа закона открытого слога или, например, с тенденциями в области морфологической структуры слова типа преобладания суффиксации над префиксацией. Если знаки препинания не просто графически тяготеют к преконтексту, но при этом и понимаются как обозначение конца определенных структурных единиц (ставятся именно после них, а не в начале соседних), по-видимому, можно говорить о том, что их постпозитивность имеет не только формальную, но и структурно-синтаксическую природу. При изучении пунктуации нужно все так же принимать во внимание, что линейная организация речевого потока и поведение отдельных его элементов может определяться сложным взаимодействием разного рода формальных и содержательных факторов. В качестве примера здесь уместно указать на линейное расположение канонических клитик, которое может регулироваться сразу целым комплексом грамматических и фонологических условий [8. С. 216–217]. Примечательно, что Нанберг, сопоставляя знаки препинания с клитиками, в то же время сравнивает «перестановку» закрывающих кавычек с точками или запятыми, практикуемую в американском английском, с фонетической метатезой¹⁴ [4. С. 76–78].

На японском материале тесную сопряженность графической и грамматической структуры можно наблюдать, обратившись к особенностям функционального распределения иероглифики и знаков слогового письма. В японском, как известно, издавна получила развитие тенденция использовать иероглифы китайского происхождения (позднее также знаки слоговой азбуки катаканы) для записи знаменательных основ, а специфические грамматические элементы, лишённые подходящих иероглифов, передавать с помощью местных слоговых азбук (в этой функции утвердилась хирагана). Наиболее строго такое распределение соблюдалось в первой половине XX в., после чего было во многом нарушено – но все еще продолжает играть ключевую роль в японской письменности, компенсируя отсутствие пробелов [25. С. 27–28, 61–62]. В тех случаях, когда грамматикализованные лексемы сохраняют прозрачные знаменательные аналоги, первые полагаются записывать одной хираганой и только для вторых применяется иероглифика [20. С. 124]. Постпозитивный характер японских служебных показателей предопределил главный принцип линейного членения текста: в записи синтаксемы *бунсэцу*, как правило, хирагана следует правее иероглифики (или катаканы). Устройство современного языка, по всей видимости, достаточно близко к тому, чтобы справа в эту иерархию линейного порядка можно было добавить знаки препинания¹⁵.

Стоит отметить, что такой способ линейной организации письменной речи не составляет собственно японской экзотики – тот же принцип членения текста без помощи пробела регулярно применяется и в европейской письменности. При размещении пунктуационного показателя вплотную к непунктуационной (вербальной) единице их разграничение обеспечивается прежде всего графическим противопоставлением

букв и знаков препинания как единиц разных классов. При этом формальные (графические) связи, объединяющие знаки препинания преимущественно с левым контекстом, могли формироваться и в условиях беспробельного письма, закладывая основы той линейной иерархии, которая определяет структуру современного графического слова. Включение в эту иерархию самого пробела – отдельный сложный вопрос, который мы оставляем за рамками данной статьи, более ориентированной на анализ японского материала.

Таким образом, знаки препинания встраиваются в письменную речь, подчиняясь определенным тенденциям в синтагматическом упорядочении единиц разных классов – как минимум в организации разнородных элементов графического означающего. Отмеченные выше закономерности в области линейного порядка приближают структуру текста к последовательности сегментов, которые строятся по единым иерархическим правилам и могут только ограниченно варьировать по составу. Можно сказать, что подобные линейные иерархии позволяют отсчитывать расстояние до границ выделенных на их основе сегментов, задавая своеобразный графический ритм, и в результате естественная неоднородность речевого потока приобретает упорядоченный характер.

Заключение

Мы в полной мере сознаем, что невозможен механический, буквальный перенос готовых инструментов лингвистического анализа с устного на письменный материал – будь то понятие клитики или фонетической связности в рамках означающего. Единицы письменного и устного языка – это объекты разной природы, и условия их функционирования значительно различаются. Поэтому при их сопоставлении нельзя ожидать абсолютно точного отображения свойств. Тем не менее, отталкиваясь от развитых фоноцентричных представлений, можно выработать более универсальные приемы описания, применимые к более широкому кругу языковых явлений, адаптированные к разным типам знаковых систем. Настоящая статья, ориентированная на решение этой задачи, придает характер лингвистически значимых явлений тем феноменам письменного языка, которые прежде никогда не привлекались для изучения вопросов линейно-синтагматического статуса.

Рассмотренные в статье языковые факты сами по себе хорошо известны и давно систематизированы, но не в рамках научных работ по теории пунктуации и без необходимого лингвистического анализа. Текущее состояние проблемной области потребовало от нас решения особой задачи – предвзятого перехода к конкретным знакам и правилам, тщательно обосновать статус обсуждаемых явлений как объекта лингвистических исследований и подготовить почву для их интерпретации. В результате изучения этих графических явлений было интегрировано в соответствующий общелингвистический контекст, представленный, в частности, фрагментами работ [8. С. 157–239; 9. С. 18–35]. В настоящей статье знаки препинания впервые утверждаются в качестве объекта морфоло-

гии и рассматриваются непосредственно в контексте одной из центральных морфологических проблем.

Опираясь на теоретический аппарат, построенный вокруг понятия «графическая связность», мы сделали ряд заключительных наблюдений, которые касаются корреляции между графическим поведе-

нием и формой знака, а также положения знаков препинания в линейных иерархиях, обеспечивающих графическое членение текста. Новые работы в этих направлениях могут представлять особый интерес для изучения пунктуации и письменного языка в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В монографии [3. С. 120] – при описании пунктуации как средства «проявления» синтаксической структуры – встречаем следующую емкую формулировку: «Знаки препинания представляют собой специализированные на предмет членения текста графемы».

² Вслед за авторами сборника [6] мы объединяем группу функционально очень близких и графически с трудом различимых знаков: знак равенства, полноширинное двойное тире, половинное двойное тире и двойной дефис (о различиях и практическом смешении см. [11]).

³ Но и такие случаи оставляют ограниченные возможности для анализа синтагматического поведения языковой единицы и степени его самостоятельности – в рамках явлений и свойств, релевантных для графического уровня.

⁴ Информация о границах строк и страниц оказалась проигнорированной в разметке корпуса [14], делая анализ соответствующих аспектов письменного японского языка невозможным.

⁵ Довольно типичным проявлением предвзятого отношения к реалиям письменного языка выглядит требование абсолютной точности и универсальности от орфографического критерия выделения словоформ в курсе [8. С. 198–199] – в особенности на фоне демонстрируемого подхода к фонетическому членению и общей рассогласованности прочих критериев.

⁶ Вероятно, ту же природу и некоторые сходные эффекты имеет и постраничное квантование текста, которое в данной статье специально не обсуждается.

⁷ Оппозиция двух осей может циклически воспроизводиться на разных уровнях графической организации: горизонтальные строки объединяются в вертикальные колонки, колонки – в горизонтальные ряды и т.д. Для изучения пунктуации в основном актуальны уровни до строки.

⁸ Разумеется, с дальнейшим углублением в специфику письменного языка и повышением внимания к явлениям, в той или иной мере эксплуатирующим естественную двумерность, вместо линейной текстовой цепочки требуется рассматривать уже некую синтагматическую плоскость. В данной статье мы только испытываем возможности упрощенного линейаризованного представления, приближающего письмо к устной речи.

⁹ Нужно иметь в виду, что настройки популярных текстовых редакторов, особенности шрифтов и подобные параметры сами по себе являются только текущим результатом длительной эволюции письменного языка; они по-прежнему могут в той или иной мере модифицироваться пользователями, а их альтернативные варианты продолжают конкурировать друг с другом.

¹⁰ В плане возможной согласованности разных видов формального членения сравните идеи ограничивать состав слоговой финали и инициали фонетическими последовательностями, допустимыми на границах слова [22. С. 322].

¹¹ Авторами оговорено, что тире и многоточие тоже носят характер «разделительных знаков», но в группу «соединительных знаков» они включены «ради удобства» [11. С. 9] (далее упоминается и сходство формы [11. С. 47]).

¹² Примечательно, что такую же чувствительность к направлению главной оси развертывания дискурса приобрел и японский знак долготы ー, изначально ею не обладавший [23. С. 70–71].

¹³ Мы полагаем, что в формировании таких иерархий, в особенности конфликтующих с соображениями семантико-синтаксического характера, важную роль может играть порядок появления и распространения знаков в письменном языке: новый элемент размещается таким образом, чтобы не нарушать уже сложившегося единства. В этом плане также заслуживает изучения известное в ряде языков «нелогичное» расположение знака сноски или тире относительно других знаков.

¹⁴ Имеется достаточное число исключений и сложных случаев, при анализе которых требуется учитывать не только европейские, но и в большей степени дальневосточные (китайские) традиции графической организации текста.

ЛИТЕРАТУРА

- Зверев А.С. Знаки препинания конца предложения как заключительные частицы письменного японского языка // Вопросы языкознания. 2014. № 6. С. 92–110.
- Шапиро А.Б. Современный русский язык. Пунктуация. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
- Шварцкопф Б.С. Современная русская пунктуация: система и ее функционирование. М.: Наука, 1988.
- Nunberg G. The Linguistics of Punctuation. Stanford: Center for the Study of Language and Information, 1990.
- Шалыпина З.М. Трехмерная стратификационная модель языка и его функционирования: к общей теории лингвистических моделей. М.: Вост. лит., 2007.
- Данилов А.Ю., Сыромятников Н.А. Японский язык. Пунктуация, знаки повтора, вспомогательные пометы. М.: Муравей-Гайд, 2001.
- Кибрик А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. 2009. № 2. С. 3–22.
- Мельчук И.А. Курс общей морфологии. М.: Прогресс, ЯРК; Вена: WSA. Т. 1.
- Плунгян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику. М.: УРСС, 2000.
- Зверев А.С. Системоцентризм и антропоцентризм в изучении пунктуации: в поисках объективных критериев выделения знаков препинания // Проблемы общей и востоковедной лингвистики 2015. Язык. Общество. История науки. К 70-летию чл.-кор. РАН В.М. Алпатов: труды науч. конф. М.: ИВ РАН, 2016. С. 136–144.
- 句読点、記号・符号活用辞典. Kutooten kigoo fugo katsuyoo jiten [Практический справочник по употреблению пунктуации, специальных знаков и символов]. Tokyo: Shoogakukan, 2007.
- 日本語エディタースクール. Nihongo editaa sukuuru. 文字の組方ルールブック——ヨコ組編. Moji no kumikata ruuru bukku – yokogumi hen [Руководство по верстке текстов. Горизонтальное письмо]. Tokyo: Seikoosha, 2009.
- 秋月高太郎 Akizuki Kootaroo. 日本語ヴィジュアル系——あたらしいにほんごのかきかた. Nihongo vijuaru kei – atarashii nihongo no kakikata [Визуальный стиль в японском языке – новое японское письмо]. Tokyo: Kadokawa, 2009.
- 現代日本語書き言葉均衡コーパス (中納言). Gendai nihongo kakikotoba kinkoo koopasu (Chuunagon). Balanced Corpus of Contemporary Written Japanese (BCCWJ) [Сбалансированный корпус современного письменного японского языка]. URL: <https://chunagon.ninjal.ac.jp>
- Jones B. What's the Point? A (Computational) Theory of Punctuation. PhD thesis. University of Edinburgh, 1996.
- 日本語文書の組版方法. Nihongo bunsho no kumihan hoohoo. Formatting rules for Japanese documents (JIS X 4051) [Методы верстки текстов на японском языке]. Tokyo: Japanese Industrial Standards Committee, 2004.
- 今野真二 Konno Shinji. 百年前の日本語——書きことばが揺れた時代. Nyakunenmae no nihongo – kakikotoba ga yureta jidai [Японский сто лет назад: время потрясений для письменного языка]. Tokyo: Iwanami, 2012.

18. 木暮正夫 Kogure Masao. 三ちょうめのおばけ事件. Sanchoome no obake jiken [Случай с привидениями в третьем квартале]. Tokyo : Iwasaki, 1996.
19. 日本推理作家協会. Nihon suiri sakka kyookai. ミステリーの書き方. Misuterii no kakikata [Как писать детективы]. Tokyo : Gentoosha, 2015.
20. Маевский Е.В. Графическая стилистика японского языка. М. : Муравей-Гайд, 2000.
21. 大類雅敏 Oorui Masatoshi. いい文章 うまい書き方. Ii bunshoo Umai kakikata [Хороший стиль. Умелое написание]. Tokyo : Ikeda, 1996.
22. Курилович Е. Заметки о группах согласных в польском языке // Очерки по лингвистике. М. : Изд-во иностр. Лит-ры, 1962. С. 308–323.
23. Судо К. Японская письменность от истоков до наших дней. М. : АСТ, 2006.
24. 大類雅敏 Oorui Masatoshi. 句読点活用辞典. Kutooten katsuyoo jiten [Практический справочник по употреблению пунктуации]. Tokyo : Eikoo, 2006.
25. Алпатов В.М., Аркадьев П.М., Подлеская В.И. Теоретическая грамматика японского языка. М. : Наталис, 2008. Т. 1.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 24 сентября 2017 г.

THE GRAPHIC COHERENCE: STUDYING THE SYNTAGMATIC STATUS OF JAPANESE PUNCTUATION MARKERS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 426, 27–38.

DOI: 10.17223/15617793/426/3

Aleksey S. Zverev, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: zvereval@inbox.ru

Keywords: punctuation; graphics; syntagmatic status; clitic; syntagmatic autonomy; Japanese.

The generally accepted approach to punctuation marks has always tended to treat it mostly as graphemes, being characterized by a rather limited use of the conventional apparatus of grammatical analysis. One of the many unexplored issues is the syntagmatic status of punctuation units, i.e. their position on the scale from bound morphemes to free word-forms (the scale of syntagmatic independence). As far as the status of non-punctuational language units is concerned, this field is well-elaborated within word-oriented morphology, by scholars seeking to identify the defining syntagmatic properties of the word. Simple observations suggest that punctuation markers do vary significantly in their syntagmatic autonomy. However, the theoretical tools and methods developed by traditionally phonocentric linguistics cannot always be applied to written phenomena to describe such differences and analyse them in a proper way. Thus, the important criterion of phonetic coherence is fundamentally inapplicable to the language system which has its signifiers composed of a non-acoustic substance. The present paper aims to compensate for this theoretical gap, adapting the traditional approach to the issues of syntagmatic boundness, and introduces the concept “graphic coherence”, which is specifically relevant to the written language. The study was undertaken to devise a general framework in which the essentially formal, even technical, aspects of punctuation could be viewed as an object of linguistic interest. The research deals with the modern Japanese language and covers the core of its punctuation system as well as a large number of other marks in the periphery. The paper discusses two basic aspects of graphic coherence in detail, namely line breaking rules and blank space configuration. Each punctuation mark is characterised by both parameters. One remarkable result that emerged from the comparison among the marks is a sort of hierarchical relationship between the two aspects. It is noted that the asymmetrical spacing established for a particular mark implies that this mark cannot be separated from the context by a line break, while the opposite is not necessarily true, so the former feature seems to be associated with a more bound status. In an additional section some further observations are made regarding the correlation between the shape and graphic behaviour of punctuation marks, as well as their position in the linear hierarchies that determine the graphic segmentation of a written text.

REFERENCES

1. Zverev, A.S. (2014) Znaki prepinaniya kontsa predlozheniya kak zaklyuchitel'nye chastitsy pis'mennogo yaponskogo yazyka [Punctuation marks at the end of the sentence as final particles of the written Japanese language]. *Voprosy yazykoznaniya*. 6. pp. 92–110.
2. Shapiro, A.B. (1955) *Sovremennyy russkiy yazyk. Puntuatsiya* [The modern Russian language. Punctuation]. Moscow: USSR AS.
3. Shvartskopf, B.S. (1988) *Sovremennaya russkaya puntuatsiya: sistema i ee funktsionirovanie* [Modern Russian punctuation: the system and its functioning]. Moscow: Nauka.
4. Nunberg, G. (1990) *The Linguistics of Punctuation*. Stanford: Center for the Study of Language and Information.
5. Shalyapina, Z.M. (2007) *Trekhmernaya stratifikatsionnaya model' yazyka i ego funktsionirovaniya: k obshchey teorii lingvisticheskikh modeley* [Three-dimensional stratification model of language and its functioning: on the general theory of linguistic models]. Moscow: Vost. lit.
6. Danilov, A.Yu. & Syromyatnikov, N.A. (2001) *Yaponskiy yazyk. Puntuatsiya, znaki povtora, vspomogatel'nye pomety* [Japanese. Punctuation, repetition signs, auxiliary markers]. Moscow: Muravey-Gayd.
7. Kibrik, A.A. (2009) Modus, zhanr i drugie parametry klassifikatsii diskursov [Modus, genre and other parameters of classification of discourses]. *Voprosy yazykoznaniya*. 2. pp. 3–22.
8. Mel'chuk, I.A. (1998) *Kurs obshchey morfologii* [Course of general morphology]. Vol. 1. Moscow: Progress, YaRK; Vienna: WSA.
9. Plungyan, V.A. (2000) *Obshchaya morfologiya. Vvedenie v problematiku* [General morphology. Introduction to the problematics]. Moscow: URSS.
10. Zverev, A.S. (2016) [Systemocentrism and anthropocentrism in the study of punctuation: in search of objective criteria for the allocation of punctuation marks]. *Problemy obshchey i vostochnoy lingvistiki 2015. Yazyk. Obshchestvo. Istoriya nauki. K 70-letiyu chl.-kor. RAN V.M. Alpatova* [Problems of general and Oriental linguistics 2015. Language. Society. History of science. To the 70th anniversary of the corresponding member of the RAS V.M. Alpatov]. Proceedings of the conference. Moscow: IE RAS. pp. 136–144. (In Russian).
11. 句読点、記号・符号活用辞典 (2007) *Kutooten kigoo fugoo katsuyoo jiten* [A practical guide to the use of punctuation, special characters and symbols]. Tokyo: Shoogakukan.
12. 日本語エディタースクール. (2009) *Nihongo editaa sukuuru. Moji no kumikata ruuru bukku – yokogumi hen* [Guidelines for the imposition of texts. Horizontal writing]. Tokyo: Seikoosha.
13. Akizuki Kootaroo. (2009) *Nihongo vijuaru kei – atarashii nihongo no kakikata* [Visual style in Japanese – a new Japanese writing]. Tokyo: Kadokawa.
14. 現代日本語書き言葉均衡コーパス (中納言. (n.d.). *Balanced Corpus of Contemporary Written Japanese (BCCWJ)*. [Online] Available from: <https://chunagon.ninjal.ac.jp>. (In Japanese).
15. Jones, B. (1996) *What's the Point? A (Computational) Theory of Punctuation*. PhD thesis. University of Edinburgh.

16. 日本語文書の組版方法 (2004) *Formatting rules for Japanese documents (JIS X 4051)*. Tokyo: Japanese Industrial Standards Committee. (In Japanese).
17. Konno Shinji. (2012) *Hyakunenmae no nihongo – kakikotoba ga yureta jidai* [Japanese one hundred years ago: the time of shocks for the written language]. Tokyo: Iwanami.
18. Kogure Masao. (1996) *Sanchoome no obake jiken* [A case with ghosts in the third quarter]. Tokyo: Iwasaki.
19. 日本推理作家協会 (2015) *Misuterii no kakikata* [How to write detective stories]. Tokyo: Gentoosha.
20. Maevskiy, E.V. (2000) *Graficheskaya stilistika yaponskogo yazyka* [The graphic style of the Japanese language]. Moscow: Muravey-Gayd.
21. Oorui Masatoshi. (1996) *Ii bunshoo Umai kakikata* [Good style. Skilful writing]. Tokyo: Ikeda.
22. Kurilovich, E. (1962) *Ocherki po lingvistike* [Essays on linguistics]. Moscow: Izd-vo inostr. lit-ry. pp. 308–323.
23. Sudo, K. (2006) *Yaponskaya pis'mennost' ot istokov do nashikh dney* [Japanese writing from the origin to our days]. Moscow: AST.
24. Oorui Masatoshi. (2008) *Kutooten katsuyoo jiten* [A practical guide to the use of punctuation]. Tokyo: Eikoo.
25. Alpatov, V.M., Arkad'ev, P.M. & Podlesskaya, V.I. (2008) *Teoreticheskaya grammatika yaponskogo yazyka* [Theoretical grammar of the Japanese language]. Vol. 1. Moscow: Natalis.

Received: 24 September 2017